

© В.В. Полещук

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ: СИТУАЦИЯ В ЭСТОНИИ

Российские академические тексты о "русских в ближнем зарубежье" иногда отличает упрощенный подход к нетитульному населению бывших советских республик. Некоторым специалистам трудно разглядеть неоднородность указанных групп, а анализ их миграционных планов зачастую базируется на личных предпочтениях автора исследования либо на необоснованных экстраполяциях ограниченного набора статистических или социологических данных. Ценность книги Н.П. Космарской заключается в том, что автор последовательно и аргументированно борется как с излишней редукцией объекта исследования, так и с использованием недостаточно проработанных концепций для объяснения очень сложных социальных процессов, происходящих на постсоветском пространстве.

Н.П. Космарская (с опорой преимущественно на киргизстанский материал) выдвигает идею о "диаспорном" и "автохтонном" проектах интеграции русскоязычных ближнего зарубежья, каждый из которых имеет определенный потенциал реализации. Она полагает, что это – параллельные (а не сменяющие друг друга) стратегии, осуществляемые разными группами (с. 554). Проводя «тест на "диаспору"», автор пользуется моделью У. Сафрана. Подробным образом рассматривается одна из важных сторон идентичности – восприятие родины. Автор приходит к выводу, что «на уровне "состояния души" русскоязычные пока не могут быть названы сообществом, отвечающим важнейшему критерию диаспоры (отношение к родине)» (с. 526). Кроме того, автор уделяет внимание особенностям политической и гражданской активности русскоязычных. И снова слишком многое свидетельствует о невозможности признать "диаспорный" проект в качестве ведущего или единственного. Это и заставляет ее дополнительно обратиться к "автохтонному" проекту, который, по сути, предполагает ориентацию русскоязычных на так называемую новую родину, т.е. на новые независимые государства.

Представляется уместным "примерить" предложенную Н.П. Космарской концепцию к ситуации в Эстонии, которую автор этих строк знает лучше всего. Это может стать своеобразным тестом на универсальность (в рамках постсоветского пространства) заявленного автором книги подхода. Пожалуй, начать можно с указания на отсутствие у какой-либо значительной части русскоязычных Эстонии планов на переезд в Россию, что было зафиксировано в общереспубликанском опросе 2006 г. Более того, их миграционные устремления направлены, скорее, в сторону Запада. Примечательно, что только половина русскоязычных граждан Эстонской Республики хотела бы, чтоб их дети жили в Эстонии (Полещук 2006: 115–116). Далее, не вызывает сомнений (по крайней мере, у местного академического сообщества), что Эстония является глубоко разделенной страной, причем две основные группы различаются по родному или предпочитаемому языку, а также по декларируемой этнической принадлежности. Кроме того, разделение может быть по статусу (граждане – неграждане), институциям (организации, фирмы), медийным предпочтениям. Обе группы явно обладают особыми идентичностями, что позволяет каждой из них относительно консолидированно выступать по важным вопросам общественной жизни.

Таким образом, русскоязычные Эстонии представляют собой сложный "конгломерат" людей, которые вольно или вынужденно имеют ряд своих институтов. Будучи по-

литически разобщенными, они де-факто могут консолидироваться для решения определенных проблем. Многие из них чувствуют свою принадлежность к Эстонии, но одновременное потребление продукции СМИ (особенно российского телевидения) и крайне ориентированная на Россию культурная жизнь превращает их в людей, которые на виртуальном уровне живут как в России (или интересами России), так и в Эстонии. Например, согласно опросу в Таллине (2005 г.) местные неэстонцы (в отличие от представителей большинства) одинаково часто правильно называли и имя премьер-министра Эстонии, и имя премьер-министра России (*Он же* 2005: 30).

Особым фактором, влияющим на положение русскоязычных Эстонии, является географическая близость России. Это не только облегчает контакты с "исторической родиной", но и непосредственно воздействует на внешний облик заселенных преимущественно русскими приграничных регионов. Российское влияние там не всегда осознается местными жителями, но может касаться даже таких мелочей, как правила составления ресторанного меню. По данным исследования в Таллине, интерес к эстонской культуре у неэстонцев стабильно высок. Однако крайне высока и заинтересованность в сохранении школьного образования на родном языке (Там же: 24–25). Наряду с этим за последние 15 лет уровень владения русскоязычными эстонским языком (условие лингвистической интеграции) вырос в разы.

Таким образом, мы видим в Эстонии на макроуровне наличие и "диаспорного", и "автохтонного" проектов (или хотя бы их основных элементов). Но представляется крайне важным сделать одно замечание, указывающее на возможный недостаток предложенной Н.П. Космарской концепции: она полагает, что указанные интеграционные стратегии не только развиваются параллельно, но и осуществляются разными группами русскоязычных. Почему обязательно разными? Полагаю, что подобное решение было найдено Н.П. Космарской путем анализа ее бесед с киргизстанскими респондентами. Однако в Эстонии мне неоднократно приходилось сталкиваться с русскими и русскоязычными жителями, у которых можно было выявить одновременно как ориентацию на Россию, так и на Эстонию. Варианты могли быть разными. Например, Россия эмоционально воспринималась как историческая родина и географическое ядро культуры, с которым человек себя соотносил; Эстония же (не менее эмоционально) характеризовалась как родина в узком смысле этого слова (т. е. как место рождения и социализации). Приходилось встречаться и с вариантами, когда при ориентации на Россию проводились четкие различия между последним как государством и фактором мировой культуры; отчуждение от эстонского государства также могло сочетаться с глубокой интеграцией в эстонскую языковую и культурную среду и т.п.

Безусловно, ряд случаев не будет вписываться в жесткие рамки "параллельной" модели. На наш взгляд, в Эстонии в обозримом будущем не просматривается победа какого-то определенного интеграционного проекта как на коллективном, так и (для некоторых) на индивидуальном уровне. Таким образом, тема множественной (этнической, территориальной, культурной) самоидентификации заслуживает тщательной проработки в рамках концепции Н.П. Космарской. И здесь крайне важны пропагандируемые ею качественные методы в социологии. Действительно, наполнение понятия "родина" для проживающих в новых постсоветских государствах русскоязычных жителей может быть разным, и порой определиться с "единственной родиной" будет сложно. Скажем, в Эстонии для многих пожилых респондентов выбор зачастую делается между ныне несуществующей страной (СССР), страной-преемницей (Российская Федерация) и местом поселения во взрослом возрасте – а ведь все эти важные нюансы будут проигнорированы при обычном анкетном опросе.

При оценке книги Н.П. Космарской трудно пройти мимо ее попытки сравнительного анализа русскоязычных постсоветской Азии и стран Балтии. Хотя эта тема не являлась в исследовании главной, автору удалось наметить ее основные параметры. Различия ситуаций могут касаться оценки той роли, которую "русские" сыграли в раз-

витии региона; необходимости борьбы за сохранение русского языка (либо ее отсутствия); перспектив региональной интеграции и т. п. Однако лишь пунктирно в книге упомянуты различия в характере политических режимов. Тем не менее это крайне важный вопрос, связанный с некоторыми другими высказанными в книге соображениями.

При всех возможных оговорках, в странах Балтии установилась либеральная демократия западного типа. Таких режимов в постсоветской Центральной Азии, включая Киргизию, нет. На практике это означает, что при наличии многочисленных групп меньшинств создание фактических привилегий для большинства возможно лишь через ограничение доступа к политической власти. Отсюда и массовое безгражданство – специфическая проблема (или специфическое ее "решение") в Эстонии и Латвии.

В рамках (формально) либерального демократического режима и формирования правового государства неизменно встает вопрос о правах и статусе. Скажем, в тех же Эстонии и Латвии 1990-е годы прошли под знаменем борьбы национальных элит против признания местных русскоязычных неотъемлемой частью населения – они могли быть оккупантами, колонистами, бывшим гражданским гарнизоном, гастарбайтерами или еще кем-то, но не национальными меньшинствами. Борьба русскоязычных элит за "приемлемый" статус для своей группы, а равно и за набор связанных с этим статусом прав; категорический отказ местных "мейнстримных" политиков признавать существование лингвистических меньшинств (т.е. попытки искусственного дробления, ре-этнификации русскоязычных) и, наконец, деятельность международных организаций (своего рода дополнительный элемент к "треугольнику" Р. Брубейкера) актуализировали как "этническую" самоидентификацию неэстонцев и нелатышей, так и ввели в повседневный обиход тему прав человека и прав национальных меньшинств.

Эстонская и латвийская наука (во многом вынужденно) реагировала на развитие политических процессов, и местные социологи и политологи прибегали при необходимости к правовым дефинициям. Более того, учет правовых аспектов типичен для многих западных исследователей, пишущих о "своих" меньшинствах. Поэтому нельзя согласиться с Н.П. Космарской, когда она противопоставляет правовой дискурс академическому (с. 563): первый с неизбежностью является частью второго. Поиск приемлемой терминологии предполагает интегрированный подход.

Ценность использования правовых понятий при исследовании положения русскоязычного населения можно продемонстрировать отсылкой к проблеме этнической дискриминации. Скажем, согласно специализированному исследованию в ЕС в 2006 г., 37% респондентов в Эстонии и 29% в Латвии считали это явление распространенным в своей стране (SE 2007: 7). Эти данные не столько говорят о характере соблюдения в странах Балтии "расовой" директивы ЕС (№ 2000/43/ЕС), сколько о взглядах населения на характер контактов между представителями разных этнических групп. Это, в свою очередь, дает нам важные сведения, необходимые для оценки стабильности ситуации в стране, о наличии "этнически" окрашенных раздражителей населения. При этом вне правового поля адекватное смысловое наполнение термина "этническая дискриминация" представляется маловероятным.

Мы согласны с одним из тезисов книги Н.П. Космарской, что "главное беспокойство русскоязычных вызывает не их положение как особой группы, а проблемы, тяжесть которых они делят с остальным населением (в частности, бедность, низкий уровень жизни" (с. 521). Однако пример многих стран, скажем, Северной Ирландии, наглядно демонстрирует, как социально-экономические противоречия могут при определенных условиях переродиться в этнические или этноконфессиональные конфликты – стратегия совместной борьбы, скажем, против бедности не является безальтернативной моделью социального поведения в разделенном обществе.